

УДК 930.1

АНТИКОВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ РАНИОН: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВЕТСКИЕ НОВАЦИИ

А. М. СКВОРЦОВ¹⁾

¹⁾Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, г. Челябинск, Россия

Анализируется деятельность секции древней истории Института истории РАНИОН. Делается вывод о том, что до середины 1920-х гг. институт был автономным учреждением, в котором сохранялись дореволюционные традиции научных коммуникаций (диспуты, обсуждения докладов, издание трудов, обучение начинающих исследователей по старой системе подготовки научных кадров и др.), однако рядом с немарксистами были и идеологически выверенные сотрудники, которые демонстрировали то, какие темы следует разрабатывать. Показывается, что с середины 1920-х гг. автономия РАНИОН значительно урезается, в тематике исследований Института истории наблюдается переход от источниковедческой к социально-экономической (аграрная история и история города) проблематике, а также к проблеме истории международных отношений и истории революционных движений. На основании источников демонстрируется заинтересованность в античности с точки зрения того материала, который может ей поставиться для решения актуальных проблем современности. Дается заключение о том, что роль Института истории РАНИОН довольно высока в контексте становления советской исторической науки: во-первых, там формировалась система аспирантуры; во-вторых, его окончили многие будущие мэтры антиковедения (К. К. Зельин, Н. А. Машкин, А. В. Мишулин) и начинал научный путь В. С. Сергеев.

Ключевые слова: РАНИОН; антиковедение; марксизм; историография; советская историческая наука; 1920-е гг.; «старые» профессора; К. К. Зельин; Н. А. Машкин; А. В. Мишулин; В. С. Сергеев.

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-33-01035).

ANCIENT STUDIES AT THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE RANION: PRE-REVOLUTIONARY TRADITIONS AND SOVIET INNOVATIONS

A. M. SKVORTSOV^a

^aChelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh Street, Chelyabinsk 454001, Russia

The article analyzes the activities of the section of Ancient history, Institute of history of RANION. The author comes to the conclusion, that until the mid-1920s. RANION was quite autonomous institution, which remained the pre-revolutionary tradition of scientific communication (debates, discussion papers, publication papers, training «graduate students» on the old system of research training, etc.). But next to non-Marxists were ideologically adjusted staff members who demonstrated what themes should be developed. The author showed, that since the mid-1920s autonomy significantly trimmed. Research areas changed from source study problems to the socio-economic (agricultural history and the history of the city), the history of international relations, the history of revolutionary movements. Sources demonstrate, antiquity was not interested in itself, but from the point of view of the material that it can be delivered to address the pressing problems of today. Done the conclusion that the role of the Institute of History RANION was quite high in the context of the emergence of Soviet

---

Образец цитирования:

Скворцов А. М. Антиковедение в Институте истории РАНИОН: дореволюционные традиции и советские новации // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 34–40.

For citation:

Skvortsov A. M. Ancient studies at the Institute of History of the RANION: pre-revolutionary traditions and Soviet innovations. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 34–40 (in Russ.).

Автор:

Артём Михайлович Скворцов – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета.

Author:

Artyom M. Skvortsov, PhD (history); associate professor at the department of history of Russia and foreign countries, faculty of history and philology.
artyom-skvortcov@yandex.ru

historical science. Firstly, there was formed a system of postgraduate study. Secondly, many future masters it graduated – K. K. Zelin, N. A. Mashkin, A. V. Mishulin and V. S. Sergeev started his scientific career.

Key words: RANION; study of Antiquity; Marxism; historiography; Soviet historical science; 1920s; «old» professors; K. K. Zelin; N. A. Mashkin; A. V. Mishulin; V. S. Sergeev.

Acknowledgements. The article is completed with the help of Russian Foundation for Basic Research (project № 16-33-01035).

В начале 1920-х гг. в России начался пересмотр учебных планов университетов с целью, как объяснялось, сближения преподавания с практическими нуждами. Университетам предлагалось сохранить за собой только учебные функции и отказаться от научных. Рубежной датой для исторического образования стал 1923 г. Именно тогда были четко сформулированы основные векторы дальнейшего развития образования: предоставление проведения большинства курсов преподавателям марксистской школы; переход на семинарский метод занятий (подготовка и заслушивание докладов); подготовка не научных кадров, а учителей средних школ. Таким образом предполагалось произвести разделение научных и учебных функций. Бывшие историко-филологические факультеты переформировывались в обществоведческие и должны были выпускать исключительно специалистов-прикладников: журналистов, литературных критиков, корректоров, учителей и т. д. Чувствуя обозначившуюся тенденцию к исключению из университетов целых научных направлений, профессора забили тревогу, они утверждали, что даже школьный учитель обязан получить строго научное образование, иначе это приведет к резкому упадку образовательного уровня в средних школах, а сами учителя превратятся в ремесленников, которые будут вести преподавательскую деятельность без творческого подхода и глубокого знания предмета [1].

В результате многие научные направления, которые долгое время формировались в России и имели богатую традицию, оказывались невостребованными, среди них – наука о классической древности. Так, например, в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (МГУ) на общественно-педагогическом отделении, возникшем на базе бывшего историко-филологического факультета, в 1923/24 учебном году студентам следовало сделать выбор между курсами по истории Древнего мира и по истории Средних веков¹. Сокращение исторических дисциплин привело к исключению из университета целого ряда ученых. Они находили себе пристанище в библиотеках, издательствах, архивах и т. д. Но некоторые были приняты на работу в созданный еще в 1921 г. при факультете общественных наук научно-исследовательский Институт истории.

Положение нового института разрабатывалось в течение 1920 г. на историческом отделении факультета общественных наук МГУ. Протоколы обсуждения позволяют сделать вывод о довольно сильном влиянии на ход дел «старого» поколения профессоров, которые еще работами в Московском университете. Наиболее активное участие в дискуссиях принимали М. М. Богословский, С. В. Бахрушин и Ю. В. Готье. Позиция исследователей сводилась к необходимости выработки оригинального Устава для Института истории, который учитывал бы специфику изучаемой науки. «Новое» поколение историков (в частности, В. П. Волгин) вело себя осторожно: они призывали не торопиться, обратиться к опыту физико-математического факультета и заимствовать уже апробированное и утвержденное положение². Однако большинство членов совета все же высказалось в поддержку первого варианта.

В Положении об Институте истории нет ни слова о марксизме и идеологической борьбе³. Важнейшими целями объявлены содействие в разработке исторической науки и усовершенствование в ней лиц, окончивших исторические отделения учреждений высшего образования (УВО), а также регулярное проведение обсуждений докладов. Для достижения этих целей предполагалось ходатайствовать об организации командировок, издавать научные труды, собирать собственную библиотеку. Все вышеперечисленное является типичными чертами для научной повседневности, однако в первые послереволюционные годы именно эти черты подверглись серьезным испытаниям. Пытаясь исправить сложившуюся ситуацию, историки специально прописывали и закрепляли указанные формы научной организации в Положении. Просматривается попытка авторов документа превратить Институт истории в своеобразный «заповедник», где, несмотря на господствующие в стране тенденции, воссоздались бы прежние, привычные для деятелей науки, структуры научной повседневности. Историки с надеждой смотрели на будущее учреждение и пытались оградить его от тех веяний и тенденций, от которых не удалось спасти университет в целом и историко-филологический факультет в частности. Вероятно, именно по этой причине в Положении специально отмечалось,

¹ Центр. гос. арх. г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 85. Л. 5.

² См. Центр. гос. арх. г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 7. Л. 42 об.

³ См. Положение // Центр. гос. арх. г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 7. Л. 43–43 об.

что в сотрудники Института могут быть зачислены только исследователи, окончившие исторические отделения УВО либо имеющие научные труды в области истории. Явно прослеживается попытка оградить органы управления нового учреждения от партийных деятелей. Подчеркивается и основополагающий принцип распределения должностей в Институте – выборность, что предполагало определенную автономию существования. Декларировалась также и приверженность к гумбольдтовской университетской системе: наряду с научными занятиями должна была вестись подготовка новых кадров.

Таким образом, Институт истории должен был существовать обособленно, никакого руководства «сверху» на начальных этапах не осуществлялось. В связи с этим данное учреждение очень быстро превратилось в пристанище для старшего поколения ученых. Директором Института истории стал Д. М. Петрушевский. Среди научных сотрудников имелось большое количество ученых-немарксистов, среди них антиковеды Г. М. Пригоровский, Д. П. Кончаловский, А. А. Захаров. Об этой научной организации многие ее сотрудники позже вспоминали как об островке свободы в океане идеологического давления. Спустя много лет Д. П. Кончаловский писал: «РАНИОН оказался последним прибежищем гуманитарных наук, свободных от гнета марксизма и принудительного контроля большевиков» [2, с. 190]. Такое представление не совсем соответствует действительности. С 1925 г. ситуация кардинально изменилась. Показательно, что если за 1923/24 отчетный год секция древней истории провела 18 заседаний с обсуждениями докладов, то в 1927/28 отчетный год было проведено только 8 заседаний. Другими словами, энтузиазм, с которым ученые подошли к открытию института постепенно угас в виду различных обстоятельств (прежде всего внешнего характера). Но, вероятно, на фоне жестких в идеологическом плане 1930-х гг., РАНИОН запомнился в радужных тонах.

Вместе с открытием Института истории в 1921 г. была создана секция древней истории, и она просуществовала до 1929 г. Численно секция была невелика – от 9 до 12 человек, руководил ей Г. М. Пригоровский. Весь штат делился на две категории: действительные члены, которые входили в коллегию (всего в Институте изначально было 15 таких сотрудников, а в 1928 г. – 36), осуществлявшую общее управление Институтом, и научные сотрудники 1-го и 2-го разрядов. Ко второму разряду принадлежали выпускники университетов, которые желали посвятить себя науке, к первому – истори-

ки, уже прошедшие определенные испытания и зарекомендовавшие себя как исследователи.

Заседания коллегии происходили регулярно (судя по протоколам, чуть больше двадцати раз в год), на них заслушивались и обсуждались доклады сотрудников. Заседания проводились и в секциях (древней истории, средневековой истории, новой истории, русской истории, истории внеевропейских обществ и колониальной политики), в более узком кругу. Делопроизводственная документация позволяет выявить проблематику выступлений и представить атмосферу дискуссий. Все заседания строго фиксировались в специальном журнале с обозначением номера протокола, даты и обсуждавшихся вопросов. После выступления докладчика следовали прения, проводившиеся в строго академическом тоне, за чем внимательно следил директор Института Д. М. Петрушевский. Не позволялся переход «на личности», обсуждение происходило в русле выдвигаемой проблемы, однако могли звучать и общие теоретико-методологические замечания. Высказаться по существу вопроса имели право как действительные члены, так и научные сотрудники. В связи с этим такие заседания следует рассматривать и как часть образовательного процесса, где молодежь постигала правила ведения научной дискуссии, а также училась отстаивать свою точку зрения. Директор настаивал на восприятии заседаний как чисто научных мероприятий без всякой идеологической подоплеки. В речах докладчиков практически не упоминаются имена основоположников марксизма. В ходе заседания коллегии 30 июня 1923 г. «директор разъяснил, что диспуты являются одним из видов научного взаимодействия и должны вестись в строго академическом тоне»¹. Здесь снова наблюдается попытка воссоздать дореволюционные традиции научных дискуссий с присущими им порядками и особенностями. Для историков это было особенно важно, поскольку в 1981 г. были отменены ученые степени и звания, что предполагало разрушение существовавшей ранее иерархии в науке и создавало возможность быстрого возвышения нового поколения ученых. В Институте поддерживалась (хоть и на неформальном уровне) старая система ценностей. В молодом поколении воспитывалось уважительное отношение к мэтрам исторической науки, без сдачи коллоквиумов и без выступлений с докладами невозможно было сделать карьеру в данной структуре. Такие выступления с научными сообщениями не носили исключительно формальный характер, они длились несколько часов (с дискуссиями) и завершались оценкой директора Института. Относительно доклада В. И. Авдиева, в будущем

¹Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 13.

известного советского египтолога, о религиозной реформе Эхнатона Д. М. Петрушевский отметил: «...ответы докладчика на замечания оппонентов неудовлетворительны: метод его работы остается неясным, и самое его существование вызывает сомнения. Сама реформа не получила никакого освещения, а связь ее с предшествующими явлениями египетской истории, нагроможденными без плана и надлежащей перспективы, отнюдь не доказана. Религиозные явления находятся в очень сложном отношении к экономике, докладчик же до нельзя упустил его в своем изложении. От выступающего в научно-исследовательском институте мы вправе требовать больше отчетливости, расчлененности и строгости, чем находим в докладах автора»¹. Председатель обратил внимание на методическую и методологическую часть доклада, чему практически не обучали на новых факультетах общественных наук в университетах. Для многих молодых людей такая оценка авторитетного ученого звучала как приговор, ряд научных сотрудников, которые числились в Институте истории как аспиранты, так и не стали признанными исследователями: существовал строгий отбор, не позволявший вступить в научное сообщество недостаточно подготовленным специалистам. Общий упадок системы исторического образования в 1920-е гг. не являлся предлогом для снижения требований к начинающим историкам. Во многом именно благодаря сотрудникам Института истории, традиции подготовки исследователей, сложившиеся в дореволюционные годы, не были забыты.

Таким образом, можно утверждать, что у большевиков резкая установка в отношении «старой» профессуры выработалась не сразу. Советскому правительству необходимо было взрастить новое поколение ученых с иными мировоззрением и подходом к историческому материалу, разрабатывающих актуальные с позиций современности темы. Институт истории создавался для «образования вообще научных работников *современного типа* (курсив наш. – А. С.)»². Начинать с «нуля» в этом деле практически невозможно, следовало опираться на предшествующие педагогические традиции, поэтому в Институт были приглашены профессионалы с богатым опытом, индивидуальным видением процесса подготовки ученых. Надеясь привлечь таких профессионалов на свою сторону, большевики

разрешали относительную автономию, выделяли денежные средства для покупки книжных новинок³, периодически оплачивали зарубежные командировки. Сотрудники Института получали вполне достойное жалование. Судя по сохранившимся документам, в 1927–1928 гг. Д. М. Петрушевский и Г. М. Пригоровский (заведующий секцией) получали по 180 руб., научные сотрудники – по 80 руб.⁴ При этом многие историки в качестве совместителей трудились в Первом Московском государственном медицинском университете им. И. Н. Сеченова, Втором Московском государственном университете, Институте Красной профессуры и других учебных и научных учреждениях. Для сравнения: средняя заработная плата служащих в Москве, по официальным данным, на тот момент составляла 75 руб. 8 коп. [3, с. 15].

Однако большевикам оказалось нелегко возложить на старшее поколение профессоров решение новых задач и установить свои требования для подготовки историков. Показателен анализ тематики докладов секции древней истории за 1921–1923 гг. На заседаниях зачастую рассматривались вопросы источниковедческого характера. А. А. Захаров делал разбор недавно опубликованных хеттских и среднеассирийских законов, Г. М. Пригоровский занимался папирусами эллинистического Египта, В. С. Сергеев изучал жизнь и деятельность римского историка Саллюстия и литературу эллинизма⁵.

Большинство сотрудников Института истории выступали против модернизации истории (в особенности древних эпох), что было довольно популярно в то время, так как еще не сформировалась догматическая для советской историографии пятичленная структура исторического развития. Один из немногих модернизаторов, В. С. Сергеев, настаивал: «Изучая античность, мы всегда исходим из современности, и только последняя уясняет нам прошлое и заинтересовывает. Трудно дать новые факты из истории древности, но задача историка в том, чтобы по-новому их комбинировать и освещать на основании собственных переживаний»⁶. Таким образом, историку следовало задавать вопросы к прошлому, исходя из современных потребностей общества и государства. Понимая, что такой подход может привести к жонглированию фактами и «подгону» их к современным образцам социально-политического развития, А. А. Захаров,

¹ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 157. Л. 37.

² Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 82.

³ Так, в 1927–1928 гг. в институте не смогли даже полностью израсходовать выделенные деньги на покупку книг: на иностранную литературу было отпущено 2625 руб., а израсходовано – 788 руб. 20 коп. (Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 157. Л. 22).

⁴ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 157. Л. 57.

⁵ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 9–54.

⁶ Протокол заседания совета научно-исследовательского Института истории от 30 июня 1923 г. // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 13 об.

Д. П. Кончаловский, Д. Н. Егоров и Г. М. Пригоровский выступили против обозначенных в докладе теоретических позиций В. С. Сергеева. У исторической науки, по их мнению, новые вопросы и проблемы появляются в связи с расширением корпуса источников, археологических открытий, но при этом определять вектор развития науки должны не общественность и не политические круги. Е. А. Косминский подытожил: «...наука не имеет оснований считать с интересом аудитории: у ней свои самостоятельные задачи, далеко не всегда непосредственно относящиеся к текущему моменту»¹.

Подобные тезисы («наука для науки») не могли не вызывать раздражение у «нового» поколения историков. В Институте истории рядом с немарксистами были и идеологически выверенные сотрудники, которые демонстрировали то, какие темы и проблемы являются востребованными. Под влиянием последних, а также следуя веяниям времени, «старое» поколение ученых стало постепенно затрагивать социально-экономические сюжеты, но скорее эпизодически, чем системно.

Вероятно, испытывая недовольство сложившейся ситуацией, советское правительство приступило к изменениям. В 1925 г. была организована Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН): отныне научно-исследовательские институты оказывались объединены общей структурой, которая формировала коллегию институтов. В коллегию, задача которой состояла в определении научных направлений работы, входили исключительно марксисты, при этом в их числе не оказалось ни одного представителя секции древней истории. В 1928 г. было определено три основных вектора исследовательской работы: экономическая и социальная история, история международных отношений, история революционных движений. В выступлениях антиковедов с этого момента звучали темы, посвященные истории аграрных отношений и истории города (движение братьев Гракхов; трактаты Катона о сельском хозяйстве; организация поместий в эллинистическом Египте; история римских магистратур, отвечающих за продовольствие). Античность стала интересовать исследователей не сама по себе, а с точки зрения того материала, который может ей поставяться для решения актуальных проблем истории Нового времени – социальная борьба, социально-экономические отношения в эпоху торгового капитализма, проблемы капитализма и вопросы генезиса феодализма.

Изменения произошли и в системе обучения аспирантов (до 1925 г. – научных сотрудников 2-го разряда). Проблема их подготовки в 1921 г. обсуждалась очень бурно. По итогам дискуссии было решено отойти от практики индивидуального консультирования и подготовки «штучных» научных кадров и организовать групповые занятия [4], а также, в связи с изменениями учебных планов университетов, не делать занятия узконаправленными. Для привития навыков исторического исследования предполагалась организация семинаров, тематика которых определялась секцией. Семинар по секции древней истории проводил Г. М. Пригоровский. Под его руководством начинающие историки изучали греко-египетские папирусы. Научные сотрудники должны были продемонстрировать широкое общеисторическое образование. Кандидатам в научные сотрудники 1-го разряда следовало основательно подготовить три вопроса по дополнительной специальности (по всеобщей истории для «русистов», по русской истории для «всеобщников»); шесть вопросов по основной специальности разрабатывались в семинариях по секциям. Отменялись испытания по политэкономии под тем предлогом, что их проходили в студенческие годы. Кроме того, следовало обязательно представить письменное научное исследование². Обучение не включало в себя педагогические дисциплины, то есть не предполагало специальную подготовку к преподавательской деятельности. Для зачисления в научные сотрудники 2-го разряда требовалось представление сочинения, которое оценивалось специалистом. При этом в расчет не брались ни происхождение кандидата, ни его политическая благонадежность. Многие зависело от отзыва профессора, к которому должен был прикрепиться научный сотрудник³. Были возрождены диспуты, на которых оценивалась пригодность молодых людей для научных занятий. Перед диспутом необходимо было сдать коллоквиум (подобие магистерского экзамена).

Такая относительная свобода в определении содержания программы подготовки молодых кадров в 1928 г. была пресечена. Президиум РАНИОН для всех структурных подразделений определил общие правила работы с аспирантами/научными сотрудниками: уменьшалось количество вопросов по специальности, взамен которых вводились вопросы по теоретической экономике и историческому материализму, по последнему обязательным

¹ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 14.

² Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 16 об.

³ Так, в письме Д. М. Петрушевскому Г. М. Пригоровский писал о кандидате в научные сотрудники 2-го разряда К. К. Зельине как способном и талантливом ученике и отметил, что еще Р. Ю. Виппером К. К. Зельин был оставлен при кафедре (Архив Рос. акад. наук. Ф. 493. Оп. 3. Д. 174. Л. 1).

становился двухгодичный семинар. Сочинение кандидата оценивалось и с методологической точки зрения, от этого зависела дальнейшая профессиональная деятельность соискателя¹. Так, в теоретических установках А. И. Неусыхина в ходе диспута были обнаружены черты эклектизма, в результате чего ему не позволили вести общий курс по истории Средних веков и доверили только специальные дисциплины².

Другими словами, правительство изменило стратегию взаимодействия с представителями «старой» школы, возможно, посчитав, что сотрудничество с ними более не может дать никаких продуктивных итогов. Переходный период, когда еще нужны были дореволюционные профессора (за неимением иных) для подготовки ученых новой формации, подошел к концу. Старшее поколение на некоторое время оказалось невостребованным. К концу 1920-х гг. проверенные учебные заведения, например, Институт Красной профессуры, стали выпускать первых специалистов новой формации, гораздо более надежных для новой власти. В РАНИОН же, по воспоминаниям С. А. Пионтковского, оформились два лагеря: представители «старой» школы и марксисты. Последние крайне негативно относились как к методам исследования, так и к системе подготовки аспирантов профессорами дореволюционной школы. В частности, С. А. Пионтковский ратовал за отказ от индивидуальной исследовательской работы и распространение коллективных форм, за сокращение числа аспирантов у секций древней и средневековой истории, и, наконец, за слияние секций «неблагонадежных» с «благонадежными» с целью уменьшения немарксистов. Показательны его слова: «Я отстаивал мысль, что коллективность в ученой работе это значит работа ряда лиц над проработкой и осуществлением на практике тесно связанных между собой звеньев одного цельного плана. Пробовали провести мы эту мысль на комиссии. Здесь сразу встретили жестокий отпор. Началось с Древней

истории. Представитель секции Древней истории сообщил, что одни из них занимаются каким-то кризисом 3 века, а другие хозяйством Храма Амона в Древнем Египте, а всего-то навсего таких специалистов по Древней истории 5 человек. Судили и рядили и, наконец, решили, чтобы они проработали план» [5, с. 132]. На деле же общий план был нужен марксистам для осуществления контроля за деятельностью секций.

Первым сигналом, который возвестил о начале конца Института истории, стало предложение президиума РАНИОН о слиянии секций древней, средневековой и новой истории под предлогом того, что станет возможно организовать новые научные коллективы, появятся возможности для более интенсивного обмена мнениями³. Вторым сигналом стала заказная статья в газете «Вечерняя Москва», где говорилось о большом количестве немарксистов в Институте истории, а, соответственно, о возможности концентрации здесь оппозиции советскому режиму. В Институте утверждали: немарксистов на самом деле мало (и те только в секции древней истории), но и они обезвреживаются тем, что исследуют проблемы социально-экономической истории⁴. Однако попытка оправдаться не удалась: в 1929 г. Институт прекратил свое существование.

Несмотря на это, роль Института истории РАНИОН велика в контексте становления советской исторической науки. Во-первых, в Институте формировалась система аспирантуры, во-вторых, его окончили многие будущие мэтры, в том числе и антиковедения, – К. К. Зельин, Н. А. Машкин, А. В. Мишулин, А. В. Преображенский. В этом институте начинал свой научный путь В. С. Сергеев. Однако учителей, действительных членов Института и научных сотрудников 1-го разряда ждала печальная участь: они либо попали под жернова политических репрессий (Г. М. Пригоровский, А. А. Захаров), либо эмигрировали (Д. П. Кончаловский).

Библиографические ссылки

1. Скворцов А. М., Гришина Н. В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития // Вестник Челяб. гос. ун-та. История. 2015. Вып. 62, № 2 (357). С. 49–56.
2. Кончаловский Д. П. Воспоминания и письма. Париж : Libraire des cinq continents, 1971.
3. А. П. Заработная плата рабочих и служащих Московской губернии в 1927/28 г. (к кампании перезаполнения колдоговоров) // Вопр. труда. 1928. № 12. С. 111–116.
4. Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка : историограф. сб. / отв. ред. В. П. Корзун. Омск, 2014. Вып. 9. С. 138–145.
5. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. А. Л. Литвин. Казань : Казанский государственный университет, 2009.

¹ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 47.

² Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637. Л. 8.

³ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 155. Л. 1 об.

⁴ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 155. Л. 1 об.

References

1. Skvortsov A. M., Grishina N. V. History education in Soviet Russia in the 1920's: main trends in the development. *Bull. Chelyabinsk State Univ. History*. 2015. Vol. 62. No. 2 (357). P. 49–56 (in Russ.).
2. Konchalovskii D. P. [Memoirs and letters]. Paris : Libraire des cinq continents, 1971 (in Russ.).
3. A. P. [Salary of workers and employees of the Moscow in 1927/28 (to the campaigning rereval of collective agreements)]. *Vopr. truda*. 1928. No. 12. P. 111–116 (in Russ.).
4. Grishina N. V. [From «left to prepare for a professorship» to Soviet graduate: transformation of the system of reproduction scientific staff in 1860–1920]. *Mir istorika : historiographic collect*. Omsk, 2014. Issue 9. P. 138–145 (in Russ.).
5. Litvin A. L. (ed.). [Diary of historian S. A. Piontkovsky (1927–1934)]. Kazan : Kazan Federal Univ., 2009 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 20.09.2017.
Received by editorial board 20.09.2017.*